

В 1956—1957 годах Колмогоровым (совместно с В.И.Арнольдом) было получено решение тринадцатой проблемы Гильберта (об этом решении см. в моей статье «Математика во второй половине XX века» в «Кванте» №2 за 2001 г.). Колмогоровым в 1956 году была доказана замечательная теорема из классической теории вероятностей о безгранично-делимых распределениях. Построение Колмогоровым нового инварианта в теории динамических систем вызвало бурный рост в теории информации, теории приближений, функциональном анализе. Наконец, он ввел важнейшее понятие, получившее название «колмогоровской сложности».

Но в тот же период он был окружен огромным числом новых учеников и молодых последователей, для большинства из которых контакты с Колмогоровым оказали решающее влияние на всю их творческую биографию.

На семинарах в университете, дома в Москве, в Комаровке Андрей Николаевич обсуждал со всеми ними и многими другими математиками и специалистами в других науках широчайший спектр научных проблем от небесной механики до стиховедения.

Колмогоров в те годы вел очень активную общественную жизнь. Он заведовал кафедрой теории вероятностей на механико-математическом факультете МГУ (которую создал в 1935 году) и отделом теории вероятностей в Математическом институте им.В.А.Стеклова, руководил отделом математики в Большой Советской Энциклопедии (и много писал для энциклопедии; в частности, в те годы им были написаны основополагающая статья «Математика» и статья «Кибернетика», сыгравшая большую роль в становлении этого нового направления науки); с 1954 по 1958 годы он был деканом механико-математического факультета. Колмогоров участвовал в трех Международных конгрессах (в частности, в Амстердамском конгрессе 1954 года, где ему и фон Нейману была оказана высокая честь открытия и закрытия конгресса; он начал свой доклад словами: «Для меня явилась неожиданностью необходимость сделать доклад на заключительном заседании конгресса в этом большом зале, который был

ранее мне известен как место исполнения великих произведений мировой музыки под управлением Мендельберга»), а также в двух Всесоюзных математических съездах. Я перечислил далеко не все, чем был занят в те годы Андрей Николаевич.

Последние четверть века Колмогоров посвятил проблемам школьного математического образования. Эта часть деятельности Андрея Николаевича заслуживает отдельной статьи.

Колмогоров — пример универсального ученого. Он был и выдающимся логиком, и геометром, и аналитиком (именно эти три типа математической ориентации он выделил в своей брошюре «О профессии математика»), и натурфилософом, и «математиком для математики», и человеком глубоких гуманитарных интересов. Колмогоров всегда искал и отстаивал истину. Он был исключительной личностью. Трудно найти еще примеры ученых такой поразительной силы, широты и глубины.

И до самых последних мгновений Андрей Николаевич сохранил интерес к жизни во всем ее многообразии — к науке, к природе, к людям.

... За два года до смерти, будучи уже тяжело больным, Андрей Николаевич диктовал мне свои вос-

поминания о Павле Сергеевиче Александрове (что стоило ему невероятных усилий). Он попросил меня прочитать ему записку «Несколько слов об А.Н.Колмогорове», написанную Александровым в 1970 году и воспринятую всеми как прощание со своим другом. Там были слова: «Моя дружба с А.Н.Колмогоровым занимает в моей жизни совершенно исключительное, неповторимое место». Услышав это, Андрей Николаевич начал диктовать: «Я хочу предварить [свои воспоминания] признанием, частично повторяющим приведенные выше слова Павла Сергеевича: для меня эти пятьдесят три года нашей тесной и неразрывной дружбы явились основой того, что моя жизнь оказалась преисполненной счастья, а основой моего благополучия явилась непрестанная заботливость со стороны Павла Сергеевича».

Как вдохновляюще звучат эти слова — о жизни, преисполненной счастья!

